

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ЧЕЛОВЕК
И ВЛАСТЬ
В РОССИИ
XVII—XVIII
ВЕКОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ
К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВИЧА
АНИСИМОВА

Санкт-Петербург
«Наука»
2022

А. А. СЕЛИН

**ЗА СТО ЛЕТ ДО ПЕТЕРБУРГА. КАКИМИ БЫЛИ
МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
НОВГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ
В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII в.**

РЕЗЮМЕ

В статье дается анализ мобилизационных усилий новгородских властей в связи с организацией дорожных работ в конце XVI—начале XVII в. и подготовкой к встрече датского принца Ханса летом 1602 г. Делается сравнение мобилизационных возможностей рубежа XVI—XVII вв. и Петровского времени.

Ключевые слова: мобилизация, Новгород Великий, принц Ханс Датский.

Adrian A. Selin. A Hundred Years Before St. Petersburg. What Were the Mobilization Capabilities of the Novgorod Authorities at the End of the 16th—Beginning of the 17th Century

ABSTRACT

The article includes the analysis of mobilization attempts of Novgorod the Great stockholders in late 16th—early 17th Century, when amazing road works had been organized and in 1602 when they had been prepared to Prince Hans of Denmark visit to Novgorod. The comparative analysis of mobilization possibilities of the periods around 1600 and around 1700 is also done.

Keywords: mobilization, Novgorod the Great, Prince Hans of Denmark.

Как историография, так и медийные тексты о числе жертв, связанных со строительством Санкт-Петербурга, весьма обильны и многообразны, равно как и патетические тексты о том, как вестернизирующееся Российское царство могло применить прежде невиданные мобилизационные возможности для обеспечения трудовыми ресурсами многочисленных петровских строек. Этого вопроса касается в значительной части своих работ Е. В. Анисимов,¹ этот же вопрос лежит, как представляется, и в основе его оценок Петровского царствования.

Несмотря на то что в критических текстах, прежде всего в текстах Е. А. Андреевой, показано, что строительство Петербурга

¹ Анисимов Е. В. 1) Дыба и кнут. СПб., 1998; 2) Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

в 1703—1709 гг. целесообразно рассматривать в контексте остальных петровских военных и военно-инженерных мероприятий (от строительства воронежского флота и укрепления захваченного Азова до работ в Рогервике),² следует признать, что созданные царем Петром механизмы принуждения/мобилизации открывали перед властями Российского царства новые возможности по организации «больших строек». О. Е. Кошелева показала, как, опираясь на круговую поруку внутри разных российских обществ и механизмы взаимного принуждения и обеспечения, петровские администраторы смогли регулярно поставлять на стройки разные категории населения из всех областей государства и снабжать их за счет тех обществ, которые их посылали.³ Эти же процессы отчасти затронуты в исследовании А. Б. Каменского о Бежецке XVIII в.⁴

Надо сказать, что для Российского царства более раннего времени соблазн решения больших задач, манифестирующих власть за счет проведения больших мобилизационных усилий, также неоднократно возникал. При этом для Российского царства рубежа XVI—XVII вв., равно как и для других политических образований Центральной и Восточной Европы, чрезвычайно часто стоял выбор между традиционным (вполне архаическим) принуждением подданных к государственным работам и, так сказать, «монетизированной» мобилизацией на них. И такой выбор всегда находился между финансовыми возможностями власти и возможностями принуждения. Б. Н. Флоря обратил внимание на наказ Д. И. Исленьеву, направленному в Речь Посполитую в 1591 г., в котором неожиданно указывается на отказ от посохи при больших государственных стройках как признак возросшей финансовой мощи царства — «не делают посохи ни к какому делу, городские дела всякие делают из казны наймом». Б. Н. Флоря, однако,

² Андреева Е. А. 1) Петербург Петра I — «Город на костях»: Миф или правда (1703—1712)? // Меншиковские чтения-2006. Мат-лы чтений / Отв. ред. П. А. Кротов. СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. Вып. 4. С. 7—34; 2) А. Д. Меншиков — «полудержавный властелин» или балансирующий на краю пропасти? // Меншиковские чтения-2011. Науч. альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 106—113; 3) Петербург — «парадиз» или «ГУЛаг» Петра Великого? // Посев. Общественно-политический журнал. М., 2012. № 08 (1619). С. 28—34; 4) Петербург — «город на костях»? (О мифологизировании истории) // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29—40.

³ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 82—89.

⁴ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

справедливо заметил, что такой декларируемый отказ от «посохи» оставался «благим пожеланием», а оплата «городовых дел», очевидно, с конца 1580-х гг. стала реальностью, к примеру — при изготовлении кирпича и извести для строительства Смоленской крепости.⁵

Масштабные организационно-строительные мероприятия на северо-западе Московского царства, прежде всего связанные со строительством государственных коммуникаций — Ивангородской, Псковской, Ладожской, Орешковской и Корельской дорог в 1580—1590-е гг., а в особенности усилия центральной власти по приему посольств в 1602—1603 гг., хорошо документированные,⁶ показывают, каковыми были возможности центральной власти по мобилизации различных общественных групп, и дают сравнительный контекст для тех (успешных) усилий власти по мобилизации на стройки Петровской эпохи.

Корпус источников по истории ямского строительства в Московском царстве конца XVI—начала XVII в. начал вводиться в научный оборот еще в начале XX в. И. Я. Гурляндом, работавшим как в Публичной библиотеке (где сохранилось четыре сборника документов о ямском строении в Новгороде Великом),⁷ так и с архивом Тайного приказа (в котором отложилась часть документов Новгородской приказной избы конца XVI в.). Исследователю удалось опубликовать значительную часть текущей документации ямского стола (буде такой существовал уже в XVI в.) Новгородской приказной избы, а часть документов подготовить к публикации. Известная благодаря И. Я. Гурлянду ямская документация относится к нескольким эпизодам 1570—1603 гг., преимущественно относящимся к чрезвычайным и поспешным мероприятиям, часто связанным с манифестацией царской власти (прежде всего в связи с приемом в Ивангороде и Новгороде датского принца Ханса летом и осенью 1602 г.).

⁵ Флоря Б. Н. Строительство Смоленского кремля и отношения власти и общества в России на рубеже XVI—XVII вв. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII—XX вв. Сб. статей в честь Е. Н. Швейковской. М., 2021. С. 349.

⁶ Подробнее: Селин А. А. Комплекс материалов коллекции 183 («Новгородские акты») из Научного архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 1. С. 162—179.

⁷ Гурлянд И. Я. Новгородские ямские книги. Ярославль, 1900.

Ямское строительство включало в себя как необходимость организации рабочих ямских станций (а значит — устройство ямов и на них ямских охотников, поручительство по которым давали окрестные крестьяне), так и текущее поддержание дорог, которое требовало постоянной поддержки мостов через реки, речки, ручьи и болота. Организовать все эти процессы местные власти могли лишь за счет тех или иных местных обществ. К ямским станциям были приписаны погосты, и поддержание ямской гоньбы стало обязанностью сельского населения; механизмом сбора посохи и принуждения ее к труду уже в конце XVI в. стали землевладельцы, однако ответственность за этот механизм была возложена на власти — воеводскую и дворцовую администрации (в ведение последней входили не только дворцовые волости, но и монастыри). И вот именно в точке взаимодействия властей и землевладельцев этот механизм в конце XVI—начале XVII в. давал весьма заметные сбои.

Самым ярким примером такого сбоя является серия дел 1585 г., связанных с привлечением к дорожным работам крестьян, приписанных к ямам Московской дороги и дороги из Новгорода к Гдову. Согласно наказу, полученному ямскими стройщиками И. Алекиным и Т. Копыловым, следовало собрать в Дремяцком погосте, по чрезвычайному царскому указу, 40 (позднее — 50) подвод и держать их наготове «для <...> посольских и ратных гонцов».⁸ Видимо, гдовское направление было выбрано в связи с возобновлявшимися переговорами о продлении перемирия со Шведским королевством. Наказ воевод недвусмысленно говорил, что подводы требовалось взимать безотносительно статуса землевладений, наличия у владельцев тарханных и иных льготных грамот, «на всех людех без омены, чей хто ни буди, доправити пятьдесят подвод добрых с проводники и держати те подводы готовы на стану для твоих государевых посольских и ратных гонцов». Стройщики организовали новый ямской стан в Дремяцком погосте, который стал новым ямским центром на пути из Новгорода к Гдову. Однако все, описанные стройщиками в отписке воеводам, чрезвычайные усилия привели к тому, что на стан было доставлено «только дватцать меринов». Ямские стройщики нашли возможность поставить «на правез» выборных людей окрестных погостов, однако те стойко отвечали, что более подвод дать не могут из-за «пустоты» погостов. Однако же находились и жилые вотчины, как, например, деревни Троицкого Клопского монастыря в Косицком погосте на

⁸ Дела Тайного приказа. СПб., 1908. Т. 2 (РИБ. Т. 22). Стб. 79—81.

Луге. Но управлявший вотчиной старец Аврам отказался отправлять подводы: «...у нас де государева жаловальная тархальная грамота, что де нам никаких подвод не велено ставити» и дважды «выбил» стройщиков из вотчины. После этого Алекин и Копылов захватили трех крестьян Клопского монастыря и насильно привели их на Дремяцкий стан, хотя и четыре крестьянские лошади не отвечали требованиям к подводам «под ратных и посольских людей» — «и те <...> их лошади худы, под <...> посольские гонцы не пригодятца». Точно так же отказались дать подводы крестьяне Будковского погоста (расположенного за Лугой, в Водской пятине), «выбив» приехавших стройщиков Алекина и Копылова. Дети боярские Хрепельского погоста и Бельской волости, также изгнанные стройщиков, отговаривались от царского указа жалованными грамотами: «...а говорят так: у нас де государева жаловальная грамота, что де нам никаких подвод не ставити, а се де наш Хрепельской погост и Бельская волостка от Дремятцкого погоста удалела больши тритцати верст».⁹ Я предполагаю, что данная жалованная грамота, которой владели помещики Хрепельского погоста и Бельской волости, это грамота, врученная бывшим «помещикам немецких городов», — изгнанным из «Русской Ливонии» служилым людям, получившим взамен утраченных поместья в Новгородской земле.¹⁰

В октябре 1585 г. И. Алекин и Т. Копылов получили из Новгорода указание продолжать править подводы «нещадно и не норовя, что з детей боярских, то и с монастырских вотчин на всех ровно», а с ослушников брать поручные записи.¹¹ Однако этот наказ не возымел действия — уже 26 октября стройщики жаловались в Новгород, перечисляя имена ослушников,¹² которые никак не дают подвод и отказываются дать на себя поручные записи, а самих стройщиков «из того Хрепельского погоста и из Бельские волостьки пеши окольными погоскими людьми выбили, а гово-

⁹ Там же. Стб. 105—109.

¹⁰ Селин А. А. «Изгнанные из Ливонии»: Об устройстве помещиков «старых» и «новых немецких городов» после Плюсского перемирия // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 2. С. 24—35.

¹¹ Дела Тайного приказа. Стб. 187—188.

¹² Хрепельского погоста и Бельской волостки дети боярские: Федор Муравьев, Темир да Постник Нееловы, Булгак Пушин, Семейка Тырков, Меньшик Борков, Семен Муравьев, Яков Линева, Михаил Мустофин, Иван Мунзорин, Михаил Трусов, Герасим Поскочин, Михаил Колачев, Пятой да Петр Воронины, Вялица Обухов, Семен Хвостов, Петр Лукашин, Бакака Неелов, Алексей Одинцов, Иван Самарин, Борис Кобылин.

рят, государь, оне так: у нас государева жаловальная грамота, что де нам своих поместьев никаких государевых податей ни подвод не велено давати, и вы де к нам ездете из Новагорода по наказу от наугородцкого воеводы и от боярина и от дьяков и нам де тех наказов не слушивати потому, что де нам государева жаловальная грамота дана с Москвы, а не из Новагорода», угрожая в следующей раз вновь стройщиков «бити и грабити».¹³ Отписка стройщиков задела новгородские власти. В Хрепельский погост был послан недельщик Роман Бирилев с наказом взять поручные записи с перечисленных детей боярских и представить их воеводам.¹⁴ Однако и поездка недельщика не увенчалась успехом, «те дети боярские <...> на поруку не дались, а сказывают у себя твою государеву жаловальную грамоту: есть де у нас государева жаловальная грамота, что нам своих помисте(й) государевых податей и подвод на ям ставити не велено».¹⁵ В результате принудить непокорных помещиков дать подводы новгородским властям не удалось. Дремяцкий стан не получил требуемые 50 подвод, а в ноябре 1585 г. лишился еще шести наличных — крестьяне Городенского и Сабельского погоста самовольно покинули стан вместе с подводами. Когда стройщик И. Алекин попытался вернуть эти подводы назад, крестьяне по распоряжению своих приказчиков выгнали его, «а выбиваючи <...> из своих погостов те прикащики и волосные люди говорили так: уже де нам вперед на Дремятцкой стан для посольских и ратных гонцов с подводами и с проводники не ставити» и также угрожали Алекину, что если он вновь явится в погосты за подводами, то быть ему и людям его «ку нас <...> битым и грабленным».¹⁶

Одновременно с устройством Дремяцкого стана в направлении на Гдов новгородские власти укрепляли ямскую гоньбу и на Московской дороге. На ближний к Новгороду Заечевский ям был послан стройщик Прохор Еганов для сыска и дисциплинирования тамошних ямских охотников — на яме должно было находиться сто меринов для «посольских и ратных дел», которых в случае необходимости следовало мобилизовать «около Заечевского яму по сторонам верст по десяти, и по дватцати, и по тритцати и больше», также не принимая во внимание существующие льготы. На яме оказалось всего 11 меринов, поэтому задача перед строищи-

¹³ Дела Тайного приказа. Стб. 199—201.

¹⁴ Там же. Стб. 202—203.

¹⁵ Там же. Стб. 208.

¹⁶ Там же. Стб. 206—207.

ком Егановым стояла сложная. Ему удалось собрать и привести на ям 40 подвод в Венской волости Хутынского монастыря (район совр. д. Вины). Но вскоре эти подводы у стройщика попытались отнять староста и крестьяне этой волости, которые явились на ям и Еганова «лаяли, и <...> о подводах побились». В соседнем с Заечевским ямом Сытинском погосте дети боярские во главе с Яковом Палицыным отказались дать подводы и стройщика «ис погоста выслали нешего; а называл, государь, Яков Палицын <...> государев наказ воровским наказом: ездISH деи с воровским наказом». В другом погосте, Лажинском, стройщику сопротивлялись не только помещики, но и игумен Воскресенского монастыря из Подплетовья Серапион, ссылавшийся на имевшуюся у монастыря жалованную грамоту, «что ему по грамоте никаких податей и подвод на ям давати не велено». ¹⁷ Стройщика Молчана Копылова, посланного на Валдайский ям, избил и выгнал с яма собственно ямской приказчик Берсень Скобеев, не давший даже приступить к дозору наличных охотников и их лошадей. ¹⁸ На другом важном, Яжелбицком, яме стройщик Никита Страхов, получивший аналогичный наказ, также жаловался новгородским властям: «...акольные, государь, погосты не даютца, кои подошли блиско к Яжелбицкого яму верст за пять, и за шост, и за десять, и больши: погост Яжелбицкой, погост Налинской, погост Еглинской, погост Ужинской, погост Ситенской, погост Семеновской, и в тих, государь, погостех живут дити боярския, а подвод собя не дадут, а пустоши, государь, у них паханы. И приехал, государь, я, холоп твой государев, Яжелбицкой погост для государевых подвод к Богдану к Мусину и к его брату к Федору, и те, государь, Богдан Мусин з братом своим с Федором и своими людьми да меня, государь, холопа твоего, били и подвод, государь, мни на ям не дали, а отнимаютца, государь, ти дити боярския в погостех: мы де к сохам не приписаны». ¹⁹ Федору Милюкову, стройщику Едровского яма, дети боярские из близлежащего к яму Михайловского погоста аргументировали свой отказ дать подводы своей службой под Псковом. Кн. Богдан Кропоткин, к которому Милюков явился в поместье, лично выслал его вон, а помещики Березайского погоста не давали подводы, ссылаясь на льготную грамоту, полученную в Новгороде. ²⁰

¹⁷ Там же. Стб. 111—115.

¹⁸ Там же. Стб. 126—128.

¹⁹ Там же. Стб. 121—123.

²⁰ Там же. Стб. 144—147.

Здесь открытое сопротивление усилиям посланных из Новгорода подьячих оказывали помещики-ветераны Ливонской войны, изгнанные из Ливонии и получившие жалованные грамоты, освобождавшие их от многих повинностей. Такие «грамотчики» во всех случаях отказывались снабжать рабочими руками дорожные работы, несмотря на принуждение к последним всего тяглого населения погостов (уже по другим царским грамотам — насколько их действие перекрывало действие первых — оставалось неясным). Однако встреченные насилием со стороны этих помещиков ямские подьячие отказывались от дальнейших попыток изыскивать крестьян в поместьях «грамотчиков». Возможностей преодолеть сопротивление у новгородских властей не было, и они предпочитали найти рабочие руки в других местах.

Следующие крупные мобилизационные мероприятия вдоль дорог Северо-Запада источники фиксируют в 1602 г., при подготовке к встрече в Новгороде и в Ивангороде датского принца Ханса. До начала августа 1602 г. ответственность за дорожные работы, а также за сбор дворян и детей боярских для встречи принца лежала на новгородских властях (только за несколько дней до приезда принца на Северо-Запад прибыли окольный М. Г. Салтыков и дьяк А. И. Власьев, отстранившие местные власти от организации встречи). Дорожные работы на Ивангородской и Московской дороге лета 1602 г. хорошо документированы. В 1602 г. также неоднократно встречаются уже немотивированные отказы землевладельцев дать своих крестьян для «мостового дела». И у подьячих и дворян-ямских строителей не хватает силового ресурса для сбора людей на починку мостов и гатей. Землевладельцы просто отказывались присылать крестьян, не подчиняясь царским грамотам, и подьячие изыскивали трудовые ресурсы как только могли. Все лето 1602 г., готовясь к поездке принца, новгородские власти пытались организовать дорожные работы за счет привлечения к ним посошных людей. Однако трудности были такими же, как и в 1585 г. Досмотрщики Ивангородской дороги Вешняк Ивков и подьячий Дема Семенов столкнулись с отказом землевладельцев им подчиниться: «...и мы, государь, холопы твои, в твоём государеве селе в Тесове у твоих государевых крестьян посошных людей, конных и пеших, просили, и села Тесова староста Онита да целовальник Третьяк и все крестьяне отказали: нам дей одним Ивангородской дороги на осмидесят верстах намостити не можно, и на посошных людей на моста не дали. А Зверинсково, государь, монастыря игумен Исаия посошных людей с монастырской вотчины и не дал же. А Жданов, государь, прикащик Тыркова

Иванча посошных людей не дал же. А Черemenсково монастыря строитель Яким да слуга Кузьма Деревягин посошных людей к мостовому делу не дали же».²¹ То же произошло и при попытке мобилизовать людей в вотчинах новгородского митрополита и городских монастырей: те либо отказывались прислать работников, отговариваясь отсутствием леса, либо попросту саботировали работу.²² Власти наседали на досмотрщиков с требованиями исполнить дорожные работы, грозя им и ослушникам опалой и казнью «от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии»,²³ но помогало это довольно слабо. По всей вероятности, в Москву от землевладельцев шли жалобы, и ответственный за организацию мостовых работ дьяк Второй Поздеев уже в июне 1602 г. специально сообщал в своей отписке в Посольский приказ, что он «лишние посохи имать не велел».²⁴

Важным рычагом в деле дисциплинирования землевладельцев со стороны новгородских властей была идея равного распределения возлагаемых на то или иное крестьянское общество повинностей. Это касалось и ямской повинности в широком смысле слова (поставка рабочей силы на дорожные работы, выбор и содержание ямских охотников и пр.). С этим связан ряд дел по принуждению к сбору подможных денег для ямских охотников на Выдропужский ям в 1604 г., которые должны были разбирать губные старосты по указанию новгородских властей.²⁵

Одновременно с дорожными работами лета 1602 г. проводился сбор служилых людей в «красном» платье, конно,людно и оружно, для встречи принца в Ивангороде и в Новгороде Великом. Предполагалось собрать более двух тысяч дворян и детей боярских, которых было необходимо доставить из их поместий, расположенных часто в сотнях верст от места сбора.

Новгородские власти за месяц до приезда принца Ханса послали в пятины сборщиков, контролировать и принуждать ехать в Ивангород и Новгород должны были губные старосты.²⁶ Сборщики должны были объявить новгородцам, «чтоб они имали с собою лошади лутчие и платье золотное и цветное и были б людны и коны и нарядны и цветны». В случае отказа ехать им грозили

²¹ Дела Тайного приказа. Стб. 528—534.

²² Там же. Стб. 562—563.

²³ Там же. Стб. 559—562.

²⁴ РГАДА. Ф. 53. 1602. Д. 1. Л. 11—12.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Л. 3—4, 74—78, 173—174.

²⁶ РГАДА. Ф. 53. 1602. Д. 1. Л. 41—43.

кары: «А то им детем боярским сказывати: которые дети боярские на государеву службу в Ывангород тотчас не поедут и на государеве службе в Ыване городе часа того не будут, и тем детем боярским от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии бытии в великой опале и в казни, а поместья их со всеми животы велит государь поимати и в роздачу роздати беспоместным детем боярским, которые на государеву службу в Ывангород часа того приедут». В случае, если окрестные жители будут заявлять о том, что помещик уже поехал на службу, сборщик должен был узнать, «сколь давно те дети боярские на государеву службу в Ывангород поехали». Власти явно предполагали, что нетчики откажутся. В таком случае волостные люди должны были быть уведомлены о неотвратимом принуждении к мобилизации: «...будет те дети боярские нетчики на государеву службу в Ывангород тотчас не поедут или, поехав, з дороги воротятца или, з государевы службы из Ыванягорода збежав, учнут житии у собя в поместьях, и они б тех детей боярских сыскивали и приводили в Великий Новгоро(д)». Карамии грозили и тем, кто отважится нетчиков укрывать.²⁷ Конфискованные поместья власти грозили отдать тем беспоместным служилым людям, кто явится на службу в Ивангород в срок²⁸ (в августе было решено распространить эту кару и на тех, кто явится в Новгород, но не в цветном платье, а «в сермяге»²⁹). По приезде в поместье составлялась доезжая память сборщика, скрепленная рукой приходского священника с отметкой о том, какого числа служилый человек выехал в Ивангород или в Новгород.³⁰

Не рассчитывая, что удастся собрать новгородцев, московские власти забрасывали новгородских воевод указаниями привлечь к службе — встрече принца — также торопчан, невлян и холмичей (позднее также — пусторжевцев и великолучан). Примечательно, что в Москве долго не было известно, приехал ли уже принц в Ивангород; в последнем случае вновь привлекаемые дети боярские должны были спешно идти на второй этап встречи — в Новгород.³¹ Однако вплоть до 7 августа в Новгород из поместий не прибыл ни один служилый человек.³² 14 августа в Новгороде была получена царская грамота об отправке в Ивангород конными

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 14.

²⁸ Там же. Д. 10.

²⁹ Там же. Д. 18.

³⁰ Там же. Д. 8.

³¹ Там же. Д. 12.

³² Там же. Д. 17.

и нарядными для встречи принца не только дворян и детей боярских, но также приказных людей, подьячих и рассыльщиков.³³ Ввиду недостатка подходящих служилых людей в Новгород требовалось выслать двести человек «лучших» старорусских посадских людей.³⁴

17 августа 1602 г. было определено сметное число детей боярских, которым было назначено встречать принца Ханса в Новгороде: новгородцев всех пятин — 1003 человека, торопчан и холмичей — 332 человека, невян 49 человек, новокрещенов и татар — 172 человека.³⁵ В царской грамоте, полученной в Новгороде 20 августа, это число увеличивалось: количество новгородцев всех пятин должно было возрасти до 1360 человек, число торопчан, холмичей, невян, новгородских новокрещенов и татар было прежним, но добавлялось еще 147 пусторжевцев. Еще тысячу человек следовало выбрать из приказных, подьячих, рассыльщиков, митрополичих приказных и детей боярских (или хотя бы 700 или даже 600 человек). Во время проезда принца по городу из своих дворов «в цветном платье» должны были выходить гости и посадские люди. Однако искомой численности более чем в три тысячи встречающих новгородские власти так и не достигли: дворян и приказных удалось набрать только 290 человек и еще 80 новокрещенов и татар. К встрече было допущено еще 870 человек в обычном платье. Таким образом от сметной численности новгородские власти собрали чуть более трети служилых людей разных чинов, из которых в свою очередь только около трети удовлетворяли своим обликом тем требованиям, которые поступали из Москвы. Среди гостей и посадских людей «в золоте и в цветном платье» принца встречали только 80 человек.³⁶

Результаты этой мобилизации также оказались плачевны. Необходимое число служилых людей собрать не удалось, несмотря на содержащиеся в царских грамотах и памятях новгородских воевод угрозы (прежде всего угрозы отъема поместий). В реальности такая угроза редко когда буквально выполнялась. Здесь очень важно рассмотреть это в сравнительной перспективе. В конце 1560-х гг. близкая ситуация наблюдалась в ходе неудачной попытки сбора посолитого ружения в Великом княжестве Литовском: кары в виде отнятия земельных имуществ, как показал

³³ Там же. Д. 21.

³⁴ Там же. Д. 13.

³⁵ Там же. Д. 26.

³⁶ Там же. Д. 35.

А. Н. Янушкевич, почти всегда провозглашались, но никогда не исполнялись или исполнялись весьма выборочно.³⁷ Только эскалация государственного насилия в Петровскую эпоху по отношению к разным общественным группам позволяла властям в ряде случаев добиваться своих мобилизационных целей — как при сборе посохи, так и при мобилизации военных ресурсов. Накануне Смуты начала XVII в. переходить к такой эскалации власти не осмеливались.

³⁷ Янушкевич А. Н. Ливонская война Вильно против Москвы 1558—1570 гг. М., 2013. С. 216—246.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Каменский Александр Борисович, доктор исторических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ, Москва.

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук, Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, независимый исследователь.

Седов Павел Владимирович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Башин Никита Викторович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва.

Пулькин Максим Викторович, кандидат исторических наук, Карельский филиал РАН, Петрозаводск.

Агеева Ольга Гениевна, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва.

Андреева Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Проскурякова Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Лавров Александр Сергеевич, профессор, Университет Сорбонны, Париж.

Бородина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН, Екатеринбург.

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Москва, Нижний Новгород.

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, Саратовский государственный университет.

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН, Уральский федеральный университет.

Смилянская Елена Борисовна, доктор исторических наук, Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Институт всеобщей истории РАН, Москва.

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН, Екатеринбург.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>А. Б. Каменский.</i> Еще раз об абсолютизме и «обобщающих категориях»: сомнения и размышления	5
<i>А. А. Селин.</i> За сто лет до Петербурга. Какими были мобилизационные возможности новгородских властей в конце XVI—начале XVII в.	24
<i>А. П. Павлов.</i> Способы комплектования стольников патриарха Филарета (к изучению политики Филарета в отношении Государева двора)	36
<i>Т. Г. Таирова-Яковлева.</i> «При нищете своей тогдашней». Хозяйство Ивана Мазепы в период гетманства Ивана Самойловича	57
<i>П. В. Седов.</i> Новые документы о строительстве Иоанновской церкви Николаевского Вязищского монастыря	67
<i>Н. В. Башинин.</i> Описи строений и имущества архиерейских домов 1701—1702 гг.: общее и особенное	82
<i>К. А. Кочегаров.</i> Сыск Григория Талицкого в 1700 г.	140
<i>М. В. Пулюкин.</i> Борьба Российского государства со старообрядческими самоожжениями в первой половине XVIII в.	151
<i>О. Г. Агеева.</i> Застолья императорского двора России XVIII в.	164
<i>Е. А. Андреева.</i> А. Д. Меншиков в кругу семьи	182
<i>М. Е. Проскурякова.</i> «Дабы от самого младенчества доброе воспитание и наставление иметь могли»: обучение детей военнoслужаших при гарнизонных полках в 1719—1740 гг.	210
<i>А. С. Лавров.</i> Следственное дело Эрнста Миниха как исторический источник	231
<i>Е. В. Бородин.</i> Мировая челобитная в судебных процессах в России в 1730-е гг. (по материалам Кунгурской воеводской канцелярии)	241
<i>А. В. Морохин.</i> О болезнях, лечении и смерти императрицы Анны Иоанновны	257
<i>Т. А. Базарова.</i> Дипломы лейб-компанцев в собрании Архива СПбИИ РАН	285
<i>С. А. Мезин.</i> «Великое и ужасное происшествие»: дело царевича Алексея глазами Вольтера	295
<i>М. А. Киселев.</i> Был ли Петр III прусским генерал-майором?	313
<i>Е. Б. Смилянская.</i> ‘Le jardin Anglais’ на Каменном острове. О вкладе британского посла в распространение английского вкуса в екатерининское время	325
<i>Д. А. Редин.</i> «Люди прошлого века» в русской классической литературе, или Когда закончилось XVIII столетие?	345
Список сокращений	372
Сведения об авторах	374